

УДК 902.01, 903.24-25

К ПРОБЛЕМЕ ДЕТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(на основе анализа украшений эпохи бронзы)
О. В. Умеренкова

ON THE ISSUE OF CHILD BURIAL GROUNDS ON THE TERRITORY OF WESTERN SIBERIA
(based on the Bronze Age adornments research)
O. V. Umerenkova

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

Статья посвящена проблеме детских захоронений в эпоху бронзы на территории Западной Сибири. Представлен количественный и качественный анализ инвентаря погребений, рассмотрен специфический набор признаков и ценностей, принадлежавших данному возрастному слою, нашедших свое отражение в погребальном обряде. Основой для исследования в работе стала взаимосвязь украшений с половозрастными определениями погребенных по данным антропологии.

The paper deals with the issue of child burial grounds of the Bronze Age on the territory of Western Siberia. It contains the results of quantitative and qualitative analyses of the burial mounds goods, a specific set of attributes and values associated with childhood which can be identified in the burial ritual. The research was based on the interconnection of adornments and anthropological criteria of the buried people's sex and age.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Западная Сибирь, погребения, украшения, половозрастная структура, погребальная одежда.

Keywords: Bronze Age, Western Siberia, burials, adornments, age-related structure, burial clothes.

Методика реконструкции половозрастной структуры общества всегда была актуальной проблемой для этнографов и историков первобытного общества [3; 11; 16; 18; 19; 23; 28 – 30; 38; 39]. Исследования в этом направлении проводились археологами на материалах полностью изученных крупных памятников, содержащих представительную источниковую базу, с привлечением этнографических данных [4; 5; 8; 10; 12; 13; 21; 24 – 27; 30; 34 – 36; 41 – 46; 50 – 52 и др.].

При анализе бронзовых украшений в качестве источника изучения половозрастной структуры древнего общества правомерно использовать понятие «возрастного символизма» – системы представлений и образов, в которой общество воспринимало, осмысливало и освещало жизненный путь индивида и возрастную стратификацию в своей культуре. В данном контексте обязательны такие элементы, как критерии возраста, возрастные стереотипы, свойственные культуре, символизация возрастных процессов, обряды, специфический набор признаков и ценностей, принадлежащие данному возрастному слою [46, с. 112]. Любая система возрастной стратификации подразделяла индивиды на соответствующие группы (жизненные периоды), специфические черты погребального обряда для каждой из таких групп предоставляет анализ археологического материала. Специалистами была разработана общая схема, принятая для определения костных останков в антропологии и существующая до настоящего времени [2, с. 39]. Согласно этой схеме, деление на возрастные группы выглядело следующим образом: *Infans I* – раннее детство от рождения до прорезывания первого постоянного маляра (6 – 7 лет); *Infans II* – позднее детство, от прорезывания первого маляра до появления второго (7 – 14 лет); *Yjuvenis I* – юношеский возраст 14 – 18 лет; *Adultus* – возмужалый, до 30 – 35 лет; *Maturus* – зрелый, до 50 – 55 лет; *Senilis* – старческий возраст.

Такое деление близко общепринятым нормам разделения на возрастные группы в традиционных обществах. Эти группы представлены и в погребальной символике, сохраняя основные статусные характеристики умершего в социальной структуре в знаках, которыми являются изделия, украшающие одежду, головной убор, обувь и тело человека.

Наша статья посвящена детским захоронениям групп *Infans I* и *Infans II*, содержащим специфический набор признаков и ценностей, принадлежавших данному возрастному слою, нашедших свое отражение в погребальном обряде. Исходной базой для исследования в работе стала взаимосвязь украшений с половозрастными определениями погребенных по данным антропологии. Следует отметить, что для некоторых памятников отсутствуют антропологические определения, а в некоторых случаях специалистами используются такие термины, как «взрослый», «женщина», «мужчина», «ребенок». Подобные определения весьма условны и не были включены в аналитический процесс.

Южная часть Западной Сибири. Основные возрастные группы андроновского общества специалистами выделялись по типам головных уборов и составу их украшений. Содержательная характеристика женских возрастных групп была представлена по материалам мог. Фирсово-XIV следующим образом: девочка-девушка; девушка-невеста; молодая замужняя женщина; женщина, вышедшая из репродуктивного возраста [51, с. 54]. Необходимо отметить, что по костным останкам детей половую принадлежность определить весьма затруднительно, поэтому инвентарь детских захоронений относился специалистами к женскому, исходя из набора украшений.

Infans I. Степень социализации в детском жизненном цикле носителей андроновской культуры просле-

живалась по погребальному обряду: младенцев (до 1 года жизни) хоронили, как правило, в грунтовых ямах, в насыпях курганов, за пределами оград или совместно с женщинами в одной могиле; дети в возрасте от 1 года до 7 – 9 лет погребались со взрослыми в одной ограде или в пристройке (межкурганное пространство); дети в возрасте от 8 – 9 лет до 10 – 12 лет помещались в погребения вместе со взрослыми в одной ограде или самостоятельно в отдельных пристройках; отдельные детские погребения – отдельные кладбища или участки для захоронения детей. Вопрос о отдельных детских могильниках неоднократно поднимался в специальной литературе [15; 20; 33 – 35]. Для территории Западной Сибири такие «детские могильники» относительно немногочисленны. Так, например, в Алтайском регионе информативным представляется материал погребений памятников БЕ 2 (2 погр.), БЕ-14 (15 погр.), БЕ-15 (2 погр.) [33, с. 102], в Кузнецкой котловине могильник Танай-12 [7]. Скопление детских погребений в ряде случаев располагалось, как правило, на окраине взрослых некрополей [20, с. 63 – 64]. По мнению В. И. Матющенко, утверждение о существовании отдельных детских погребений не совсем правомерно. Скорее всего, для погребения детей выделялись специальные участки на общих кладбищах [31, с. 91]. Ю. Ф. Кирюшиным была предложена гипотеза, основанная на этнографических наблюдениях. По его мнению, на особых кладбищах хоронили детей, которые еще не успели получить имени [21, с. 32]. Состав антропологического материала из могильников Барабинской лесостепи позволил установить, что основная масса погребенных относилась к возрасту от 0 до 6 лет, остальные были погребены в возрасте от 7 до 15 лет [35, с. 109]. Анализ керамического комплекса из могильников степного и лесостепного Алтая позволил определить возрастную грань между детскими группами в районе 7 – 8 лет [21, с. 33]. Исследования отдельных детских захоронений, проведенные М. Д. Хлобыстиной, согласуются с этими данными – в основном были погребены дети от младенческого возраста и до 7 лет [50, с. 25].

Общепринятым среди исследователей эпохи бронзы является тезис о том, что в погребениях младенцев инвентарь, а тем более металлические украшения, как правило, представлены незначительно. Скорее всего, смерть в таком возрасте не рассматривалась как значимая социальная потеря и поэтому половая специфика одежды (покрова) отсутствовала. Отсутствие знаковой принадлежности при жизни была отражена в погребальном ритуале. Первые украшения зафиксированы в погребениях детей (девочек) в возрасте 5 – 6 лет. Набор инвентаря представлен для данной возрастной группы простыми в исполнении браслетами (без наверший), проволочными серьгами, низками бус. Можно предположить существования простых головных уборов, представляющих собой налобные повязки, выполненные из ткани и декорированные бусинами. Подобное возможное применение отмечено при анализе материалов из мог. Лисаковский Э. Р. Усмановой [46, с. 117].

Infans II. Корреляция инвентаря и возраста погребенных мог. Фирсово-ХIV и Лисаковский показала, что украшения и детали костюма появляются с подросткового возраста, что, возможно, связано с прохождением

обрядов инициации. Этот возраст являлся стадией онтогенетического развития между детством и взрослостью (от 11 – 12 до 14 – 16 лет), которая характеризовалась качественными изменениями, связанными с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь. Эти трансформации носили, прежде всего, физиологический характер, т. к. данный жизненный период у девочек являлся началом фертильного периода. Именно на этот возраст у традиционных народов приходилось усиление половой дифференциации и совершались «посвящения» (инициации).

Изменения, происходившие в отношении этой возрастной группы, проявлялись, прежде всего, в погребальном обряде. Захоронения проводились в местах курганного пространства ближе к центру могильника, либо в пристройке ограды. Иной вид приобретал и декор посмертной одежды. Новый этап в социальном положении девочек-подростков 10 – 14 лет проявлялся, прежде всего, в появлении головных уборов-накосников, т. к. именно головной убор в традиционном костюме является основной деталью в одежде. Тем более показательно, что именно накосник в составе головного убора представляется социально-возрастным индикатором женщин и в алакульских коллективах [17, с. 68, 71; 46, с. 118; 47, с. 60 – 61]. Эти украшения появлялись у девочек в момент перехода в разряд потенциальных матерей, а затем становились декором свадебного головного убора и исчезали у женщин, родивших ребенка [48, с. 79].

Памятники Томского Приобья. Наиболее крупным, полностью исследованным на этой территории погребальным комплексом, является могильник ЕК- II. Выборка андроновских могил, используемая нами для анализа, составила 231 погребение.

Infans I. Выборка составила 29 погребений, содержащих костяки детей в возрасте до 8 – 10 лет, из них 9 могил принадлежали младенцам от 0,5 до 1 года. Особенность погребального обряда населения, оставившего этот памятник, заключалась в «богато» представленном инвентаре захоронений этой возрастной группы. Такое положение относится не только к количеству украшений, но и к сосудам, которые устанавливали в могилы по 2 – 3 экз. Интересным представляется факт наличия накосных украшений – листовидных подвесок у младенцев до 1 года, которые физически не могли их носить. Из 31 экз. этих изделий 19 экз. (61,2%) принадлежало детям до 8 – 10 лет. В 2 случаях из 4 для этой возрастной группы зафиксированы серьги с раструбом. «Богато» похоронен младенец из андроновской могилы № 191. В могиле № 230, помимо накосных украшений, включающих в себя листовидные и ромбические подвески, было найдено нагрудное ожерелье, выполненное из бляшек-нашивок, пронизок и обойм. Эти материалы не вписываются в общую половозрастную схему, определенную в ходе анализа андроновского инвентаря. Возможно, помещая в могилу с младенцем столь богатое убранство, население пыталось «бороться» с детской смертностью. Допустимо объяснение особого отношения к детям, к их рождению и становлению в тяжелых климатических условиях предтаежной зоны.

Infans II. В эту возрастную категорию вошло 8 погребений. Украшения представлены незначитель-

но: бляшки-нашивки, зафиксированные в районе лобной кости черепа, как правило, по 1 экз. и парные височные кольца у девушек. В погребениях юношей были обнаружены только бляшки-нашивки.

Проведенный анализ инвентаря андроновского населения, оставившего памятник ЕК-II, позволил сделать вывод о том, что практически все захоронения, которые содержали «богатый» набор украшений, в том числе сложносоставные и наконечники, принадлежали группе *Infans I*. В группе *Infans II* в погребальной одежде стабильно использовался набор из бляшек-нашивок и височных колец.

Такое же положение было определено и для погребений ЕК II постандроновского времени. Группа детей от младенчества содержала довольно представительный инвентарь, включающий в себя бляшки-пуговицы (60 %), бляхи (45 %), зеркала (58 %), в некоторых случаях бронзовые бусы на щиколотках (могилы № 117, 151, 288, 339). Бляшки-нашивки известны только в 2 случаях из 8. В погребениях этой возрастной группы отмечены серьги с растробом и листовидные подвески, представленные у детей до 3 лет, хотя эти украшения в андроновском мире были характерны для инвентаря погребений женщин фертильного периода. Интересным представляется факт наличия единичных украшений, выполненных из золота. Для еловского времени известна одна бляшка-пуговица, обернутая золотой фольгой, и гривна, выполненная из свернутой проволоки. Оба этих изделия происходят из детской могилы № 87. Сложносоставные наконечники украшения из pistonных бляшек (от 10 до 14 экз.), нашитых на кожаную основу, известны только по материалам детских погребений (могилы № 76, 251, 288, 308, 322, 338) [32].

К возрасту *Infans II* отнесено 3 погребения, характерными украшениями для этой группы являются колокольчикообразные/конические подвески. В 2 случаях были найдены височные кольца.

В большом количестве в возрастной группе *Infans I* в инвентаре представлены бляшки-пуговицы, тогда как в погребениях женщин от 20 до 50 лет находки этих изделий единичны – бляшки-нашивки (4 экз.), бляшки-пуговицы (8 экз.). Для *Infans I* характерно присутствие в инвентаре по 2 – 3 сосуда. Аналогичную картину для погребального комплекса ЕК-II, относящегося к постандроновскому времени, мы наблюдаем на могильнике Танай-12 (Кузнецкая котловина), особенностью которого является большое количество детских захоронений. Так, например, курган № 9 содержал 19 детских погребений из 21 [6, с. 229]. Погребения описываемой группы курганов содержали многочисленный инвентарь – по 2 – 3 сосуда у каждого погребенного, бронзовые украшения. Из их коллекции можно выделить находку проволочных валутовидных спиральных перстней, парных браслетов со спиралевидными, противоположно закрученными концами браслета, поверхность которого оформлена 3 валиками, круглых плоских блях с отверстием в центре. Необходимо отметить, что сосуды в детских погребениях были хоть и маленьких размеров, но выполненные и орнаментированные с очень большой аккуратностью.

Памятники Барабинской лесостепи. Наиболее крупным и полностью изученным погребально-поминальным комплексом данного региона является

памятник Сопка-2. Особенность этого памятника выражается в обширной вариативности погребального обряда как во временных границах существования памятника, так и в пределах отдельных культур.

Сопка-2/4А (ранняя фаза памятника) [14; 37].

Infans I. Инвентарь представлен металлическими кольцами в 1,5 оборота от одного до трех экземпляров. Бронзовые височные кольца известны минимально и представлены в 1 случае из 2 (п. № 581).

Сопка-2/4Б. Выделяется группа инвентаря, найденная, преимущественно, с детьми и женщинами. Комплекс украшений представлен серьгами (золото, серебро, бронза), бронзовыми височными кольцами, бусами из различных материалов. Данный инвентарь, так или иначе, присутствует в 19 погребениях [14].

Infans I. Характерными украшениями детей были серьги в виде колечек, выполненных из проволоки. Располагались они чаще всего по одному экземпляру и были изготовлены из благородных металлов. Интересно, что у ребенка и подростка встречена пара серебряных серег в погребениях с бронзовыми кинжалами.

Сопка-2/5 (поздняя группа). Появляются предметы срубно-андоновской металлургической традиции.

Infans II. С детскими захоронениями связаны бронзовые головные украшения, браслеты и пр. Бронзовые украшения располагались также, как и у взрослых (5 случаев). Листовидные подвески (6 шт.) происходили из соседних рядов скопления № 1 (4 случая) – детские и подростковые погребения, а также из потревоженного погребения скопления № 3, где они связаны, по всей видимости, с женскими останками. В одном случае (разрушенное женское погребение № 54 в скоплении № 1) обнаружена медная пластина, украшающая наконечник. К наконечным украшениям относилась и орнаментированная пластина, найденная там же, в комплексе с наконечником, золотыми гофрированными трубочками (29 шт.), бронзовыми спиралевидными пронизками (5 шт.). Реконструкция подобного комплекса украшений представлена в работе Э. Р. Усмановой, В. Н. Логвина [47, с. 35 – 36, рис. 18]. Только в погребениях детей (3 могилы из первого скопления) обнаружены бронзовые подвески (или нашивки) вытянутой формы (10 шт.). Они локализируются в области верхней части тела и головы. Относительно других вещей инвентарной группы 1, частично характеризующей ниже, отметим лишь, что бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями у детей лежат по одному в могиле (у женщин – по два). Бронзовые нашивные бляхи являются инвентарем преимущественно детей (5 случаев в скоплении 1).

Некоторые категории женского инвентаря были характерны и для погребений детей и подростков. Бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями (11 шт.) встречаются у женщин (3 случая), детей (2 случая), подростков (1 случай) и в одном кенотафе. Они, как правило, надеты на кости предплечья. Спиралевидные окончания имел бронзовый перстень, находящийся в комплексе с браслетами (№ 337). У взрослых и молодых женщин браслеты располагаются парами, а у детей – по одному.

Бронзовые височные кольца в виде несомкнутых колец (16 шт.) встречаются в погребениях женщин (4 случая), детей (1 случай), подростков (1 случай),

мужчин (3 случая) и в кенотафе. Находятся они, как правило, с обеих сторон головы, в районе височных костей.

Отдельной группой выделялось скопление погребений, самое большое по количеству могил, которое содержало богатый бронзовый инвентарь – оружие, украшения, орудия труда. В нем зафиксированы погребения детских и женских черепов. Следует отдельно остановиться на некоторых особенностях помещения бронзовых украшений и некоторых других предметов в эти погребения. Мы уже подчеркивали схожесть состава погребального инвентаря и его положения в могиле у женщин и детей в этих скоплениях, а также практически полное отсутствие категорий мужского инвентаря у детей [14, с. 159]. Из комплекса бронзовых головных украшений достоверно именно с детьми связаны наборы накосных украшений. Последние помещены даже с младенцами, которые физически не могли их носить (до 0,5 года) (№ 322). Аналогичная картина наблюдалась по материалам памятника ЕК-II, поэтому наличие этих изделий, скорее, относилось не к категории одежды погребенного, а к сопроводительным элементам облачения.

Количество браслетов на руке можно связать с возрастной характеристикой погребенного: один – у ребенка (подростка), два – у взрослой женщины. Возраст самого старшего из носителей детского комплекса инвентаря, содержащий бронзовые головные украшения, но уже и двух браслетов – правда, без спиралевидных окончаний и только на одной руке – 12 – 13 лет (№ 123). Возраст самой молодой женщины с взрослым женским набором (браслеты на обеих руках, пара височных колец или серег) женщины – 20 – 25 лет (№ 119). Вероятнее всего, такое положение демонстрировало рубеж между возрастными категориями женщин у кротовского населения, оставившего эти погребения. Подобная картина наблюдается и в погребальных комплексах андроновских племен [47; 48]. Видимо именно эта традиция была частично воспринята какой-то частью кротовского населения, скорее всего, находившегося в тесном контакте с культурами андроновской общности [14, с. 159].

Таким образом, наличие инвентаря в детских погребениях наиболее близко комплексам украшений, зафиксированным в женских погребениях (украшения, костяные проколки и пр.). В ряде случаев количество инвентаря в детских погребениях, который встречается и во взрослых погребениях, могло предполагать возрастную дифференциацию. Например, в группе Сопка-2/5 это помещение накосных украшений и наличие только одного бронзового браслета в детских погребениях, в то время как во взрослых помещалась пара браслетов. В группе Сопка-2/4Б и 5 детские погребения отличались от взрослых количеством и материалом металлических колец-серег и пр.

Эпоха поздней бронзы. При анализе материалов ирменских комплексов нами была получена объективная информация о зависимости распределения украшений от пола и возраста погребенных. Корреляция этой категории инвентаря проводилась по материалам 25 погребальных памятников эпохи поздней бронзы Западной Сибири. Памятники Кузнецкой котловины: Сапогово-1, Танай II, Ваганово-2, Журавлево-I, III, IV,

V, Танай 1, 7, 12, Титово 1, Пьяново, Иваново-Родионово, Шабаново I; степного Алтая и Барнаульского Приобья: Ново-Троицкое I, II, Суртайка, Ближние Елбаны IV, IX; памятники Верхнего Приобья: Милованово 1, Ордынское 1г, Преображенка 3; памятники предтаежной зоны Обь-Томского междуречья: Иштан, ЕК I, II. В ходе анализа были учтены захоронения, совершенные по обряду труположения, имеющие антропологические определения. Категория детских погребений варьировалась от 1 до 12 – 15 лет. В данном случае учитывался физиологический фактор по определению специалистами половой зрелости девушек в интервале с 12 – 15 лет, у юношей с 15 лет [9].

Infans I. Инвентарь представлен незначительно, украшения погребенных содержали, как правило, бронзовые проволочные кольца и пронизки. Универсальным украшением, зафиксированным в ирменских погребениях, были бляшки. Из 180 экземпляров 2 бляшки были найдены в погребениях младенцев, 3 экз. – в детских (возраст 5 – 7 лет), 7 экз. – в подростковых (возраст 13 – 15 лет). Основная часть находок этой категории украшений приходилась на возраст после 15 лет. Гвоздевидные подвески – из 63 экз. лишь в 1 случае зафиксированы у ребенка в возрасте 5 – 6 лет.

Сопутствующими украшениями одежды, головы и прически были браслеты и кольца. Кольца пластинчатые зафиксированы у младенцев незначительно (8 %). Единичны находки этой категории украшений у детей 5 – 6 лет. С кольцами наиболее массово представлены пластинчатые браслеты. Эти изделия зафиксированы у погребенных детей от 1,5 – 5 – 6 лет в 4 случаях, 2 случая – в погребениях младенцев, 3 случая – в погребениях подростков 12 – 15 лет.

Универсальным украшением костюма в эпоху поздней бронзы являются пронизки (214 экз.). Строгой закономерности в зависимости от возраста и пола установить не удалось. Известны находки в погребениях младенцев, детей до 5 – 6 лет, в репродуктивном возрасте и старости. У погребенных от младенческого возраста до старости также были зафиксированы проволочные кольца (117 экз.). Единственным отличием является месторасположения колец – у младенцев и детей до 2,5 лет кольца расположены в районе черепа (височных костей), у остальных, как правило, – на фалангах рук.

Таким образом, обозначенные нами возрастные группы практически совпадали для различных культурных образований эпохи бронзы: *Infans I*: младенчество – детство (от 0 до 8(10) лет); *Infans II*: подростковая (от 10 до 14(16) лет). Набор украшений, как правило, был одинаковым для мальчиков и девочек, и различия их в комплектах становились явными только с 5 лет. Особенностью материала поздней группы кротовской культуры Барабинской лесостепи (мог. Сопка-2) и андроновской культуры Томского Приобья (мог. ЕК-II) являлось наличие в погребениях младенцев до 0,5 лет и детей до 6 лет «богатых» накосных и нагрудных сложносоставных украшений.

Подводя итог, можно отметить, что среди андроновских и постандроновских (в широком понимании) памятников достаточно представлены могильники, для которых характерно большое количество детских захоронений, а также наличие единовременных групповых

захоронений с детьми, которые отличают наличие «богатого» инвентаря, в том числе металлических изделий – украшений, не смотря на то, что изготовление таких является весьма трудоемким процессом и дорогостоящим.

Существование некрополей с детскими погребениями давно отмечено специалистами и, естественно, породило целый ряд объяснительных гипотез [40]. Причины исследователи видят либо в ухудшении условий жизни социума [1; 49], либо связывают с ускоренными темпами прироста населения, причиной которого было увеличение жизненных ресурсов [22]. Другой подход к пониманию рассматриваемого типа некрополей предлагается, в основном, археологами – как гипотеза о существовании сепаратных детских кладбищ [15; 20; 34]. Или, как вариант, о наличии специальных участков, где погребались преимущественно дети [32].

Ю. И. Михайловым было выдвинуто предположение о смерти, по крайней мере, части детей, погребенных в андроновских могильниках от эпидемий [33]. Это допускает, с одной стороны, что большинство умерших за некоторый период были захоронены в курганах, с другой, предполагает, что часть людей (прежде всего дети) попала в «смертные списки» в результате не естественной смертности, а в процессе «инфекционного» отбора.

Литература

1. Алексеев В. П. Палеодемография СССР // Советская археология. 1972. № 1. С. 3 – 20.
2. Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований: монография. М.: Наука, 1964. 127 с.
3. Алексин В. А. Социальная реконструкция и погребальный обряд древнеземледельческих обществ: монография. Л.: Наука, 1986. 191 с.
4. Бобров В. В. О демографической ситуации в эпоху поздней бронзы на юге Западной Сибири (ирменская культура) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 8 – 11.
5. Бобров В. В., Горяев В. С. Гипотеза об инкорпорантах в ирменском обществе Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 67 – 70.
6. Бобров В. В., Горяев В. С. Танай-12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000.
7. Бобров В. В., Горяев В. С. Организация сакрального пространства в андроновских курганах могильника Танай XII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 251 – 254.
8. Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Половозрастная структура ирменского общества (по материалам головно-го убора) // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992. С. 70 – 72.
9. Бобров В. В., Михайлов Ю. И. К вопросу о социокультурных контактах андроновских коллективов восточных районов // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 55 – 59.
10. Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4: монография. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.
11. Бутинов Н. А. Половозрастная организация // СЭ. М.: Наука, 1982. № 1. С. 63 – 68.
12. Гей А. Н. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация обществ (поиски археологических критериев). М., 1993. С. 42 – 77.
13. Гей А. Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 78 – 113.
14. Гришин А. Е. Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 301 с.
15. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка: монография // МИА СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. № 48. 1956. 256 с.

16. Добролюбовский А. О. Принципы социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова Думка, 1982. С. 54 – 68.
17. Евдокимов В. В., Усманова Э. Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.
18. Калиновская К. П. К проблеме возрастных систем // СЭ. М.: Наука, 1982. № 1. С. 59 – 62.
19. Калиновская К. П. Региональное и глобальное в половозрастной дифференциации обществ с системами возрастных классов // Исследования по первобытной истории. М.: Наука, 1992. С. 157 – 168.
20. Кирюшин Ю. Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить ...». Барнаул, 1995.
21. Кирюшин Ю. Ф. Некоторые аспекты социальной организации андроновского общества // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
22. Кислый А. Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // Российская археология. 1995. № 2. С. 112 – 122.
23. Кожин П. М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987. С. 80 – 107.
24. Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. № 3. С. 32 – 73.
25. Коренько В. А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. М.: Наука, 1990. № 2. С. 28 – 41.
26. Максименков Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины – источник изучения семейных и общественных отношений // Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск: Наука, 1974. С. 8 – 17.
27. Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее: монография. Л.: Наука, 1978. 190 с.
28. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии): монография. Л.: Наука, 1976. 192 с.
29. Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии: монография. Фрунзе: Илим, 1990. 95 с.
30. Матвеев А. В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения по материалам поселений // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 25 – 41.
31. Матющенко В. И. Эпоха бронзы. Лесная и лесостепная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994.
32. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
33. Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы): монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 264 с.
34. Молодин В. И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 37 – 44.
35. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы: монография. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
36. Молодин В. И. Социально-значимые захоронения кротовской культуры // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987. С. 140 – 144.
37. Молодин В. И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы Горного Алтая и западносибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-восточного Китая. Новосибирск, 1994. С. 82 – 86.
38. Поликанова Е. П. Социальная структура общества (анализ различных концепций) // Философия и общество. 1998. № 5. С. 233 – 240.
39. Попов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // СЭ. М.: Наука, 1982. № 1. С. 68 – 79.
40. Ражев Д. И., Епимахов А. В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 5. С. 107 – 113.
41. Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 68 – 90.
42. Тишкин А. А., Дашковский П. К. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 51 – 55.
43. Ткачев А. А. Половозрастная характеристика нуртайских комплексов Северной Сары-Арки // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 146 – 149.
44. Ткачев А. А., Ткачева Н. А. Социальная структура андроновского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 49 – 52.
45. Троицкая Т. Н. Некоторые вопросы социальной стратификации общества большереченской культуры (V – I вв. до н. э.) // Скифо-Сибирский мир. Кемерово, 1989. С. 73 – 76.
46. Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский 1: факты и параллели: монография. Караганда-Лисаковск, 2005. 232 с.

47. Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские наконечники украшений Казахстана (эпоха бронзы): монография. Караганда, 1998. 64 с.
48. Усманова Э. Р., Ткачев А. А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ. М., 1993. № 2.
49. Федосова В. Н. Развитие современной палеодемографии // Российская археология. 1994. № 1. С. 67 – 76.
50. Хлобыстина М. Д. Андроновские детские могильники как палеосоциологический источник // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985.
51. Шамшин А. Б., Ченских О. А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.
52. Шпакова Е. Г., Бородовский А. П. Демографическая характеристика населения тагарского времени по материалам могильника Береговой-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 4. С. 386 – 391.

Информация об авторе:

Умеренкова Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, ведущий инженер Кузбасской лаборатории археологии КемГУ, 8-903-941-24-12, klac@kemsu.ru.

Olga V. Umerenkova – Candidate of History, managing engineer at Kuzbass Laboratory of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.